

матическими сферами «Подарки и дарение» (*гостѣнина* 'сладости: конфеты, пряники', *гостѣнешный* 'предназначенный для подарка, полученный в подарок', *гостѣмо* 'вместо угощения, даром'), «Одежда» (*погостѣе* 'понарядней'), «Сфера манипулятивных взаимодействий между людьми» (*гостѣнец* 'взятка').

Неразрывная связь между хозяином и гостем и их антагонизм. Участники действия составляют важную часть сценария, что отражается в обозначениях праздного времяпрепровождения (*гостѣться* 'заниматься пустяками' (*Старик-от сидит да гостѣтся со своим гумѣжкам*), *гостѣться* 'о хозяйке: лениться') и предмета второстепенной важности, сопровождающего главный, основной объект (*госѣя* 'вторая вспомогательная бечева, выпускаемая с судна на помощь главной').

А. Лома
Белград (Сербия)

Из топонимии древней Скифии – в поисках страны будинов

Созвучие между топонимом *Курск* и названием города в стране будинов *Káriskos*, который упоминается Аристотелем (Ael. De nat. animal. XVI, 33), примечательно вследствие того, что на территории Курской области была распространена юхновская культура железного века, носители которой отождествляются с будинами. Это сопоставление вызывает по меньшей мере два возражения: *Курск*, др.-рус. *Курьскъ*, является прозрачным производным от имени реки *Кур*, а др.-рус. *у* не выводится непосредственно из **а*. Вместе с тем использование суффикса **-isko-* для вторичного образования прилагательных от географических названий не ограничивается славянскими языками – этот суффикс присущ также балтийским и германским языкам. Проведенный В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым анализ гидронимов верхнего Поднепровья [1962] указывает, что юхновцы говорили на прабалтийском языке, что позволяет объяснить развитие корневого вокализма **ā > *ō > слав. и*. Переход долгого *ā* в *ō* – явление сравнительно позднее, охватившее только часть балтийских диалектов, но тем не менее отразившееся в балтийском субстрате русских земель, ср. гидроним *Ужена* в Калужской области наряду с *Ажовка* (*Ажевка*) в верхнем Поднепровье, лит. *ožys* 'козел', лтш. *āzis*, гидроним *Ažyre* [Ор. cit., 175]. Здесь мы имеем дело со следами диалектных различий внутри древнебалтийского языкового комплекса или, скорее, с различными датами славизации.

Итак, если Курск действительно древний Кариск, этим одновременно подтверждается отождествление будинов с юхновцами и юхновцев с прабалтами, в новом свете представляется и проблема местонахождения другого города в стране будинов – Гелона, описываемого Геродотом (IV, 108). Юхновская культура распространялась, кроме Курской, в современных Брянской, Орловской и Черниговской областях – городище на реке Ворскле у села Бельск Полтавской области, отождествляемое частью археологов с Гелоном, лежит гораздо южнее. Кроме того,

гидроним *Ворскла* < **Vor'skŷla* возводится к скифскому названию племени **Varu-skula*- «скифы (самоназвание *Σκόλο-τοί* = **skula-ta*- < **skuḍa*-) приднепровские (др.-иран. **Varu*- 'широкий' = Днепр)», предположительно тому же, которое переведено на греческий как *Βορυσθεῖται* 'борисфениты'. С другой стороны, топоним *Γελωνός* сопоставляют с названиями ряда рек: недалеко от Киева летописная *Желянь*, в бассейне Припяти *Желонь*, в бассейне Десны *Желень* (*Жилень*), приток Сейма, и *Желонка*, укр. *Жолонка*, приток Снопоти [Стрижак, 1988, 103–109]. Эти два последние гидронима входят в пределы распространения юхновской культуры; *Желень* течет по Курской области, тогда как *Желонка* находится на противоположном от Курска, северо-западном крае предполагаемой страны будинов. Однако необходимо иметь в виду, что, хотя и есть балтийские созвучия, этимология данных гидронимов неясна, а их древность сомнительна. Более того, неизвестна подлинность переданной Геродотом словоформы. Она могла измениться под влиянием греческого имени собственного *Γελων* или посредствующего скифского языка, для которого был характерен переход $d > \delta > l$, так что надо учитывать и исконное **Γῆδ*-, перенятое славянами как **Жед*-. Последнему предположению не противоречит форма *Βουδῖνοι* 'будины', если она правильно истолкована нами как скифское насмешливое прозвище гелонов, почитающих бога в виде козла – Диониса, поскольку в данном случае ее -*δ*- отражает и.-е. палатальное *g^m*, ср. авест. *būza*- 'козел', мидийские антропонимы *Buza*-, *Buzina*-. Ср. [Кодови словенских культура, 1997/2, 160–161], где, однако, допускаем, что будины были праславянами. Кстати, если существовало балто-славянское единство, допустимо, что оно распалось не раньше середины I тыс. до н. э., иными словами, что *Kāriskos* не прабалтийская, а балто-славянская форма, засвидетельствованная в IV в. до н. э., развившаяся в древнебалтийской среде до ее перехода к восточным славянам.

С историко-географической точки зрения небезынтересно, что в рассматриваемом отрывке Аристотель говорит о том, «что у будинов, живущих кругом Кариска, не рождаются белые овцы, но что все они черные» (пер. В. В. Латышева [Вестник древней истории, 1947/2, 331]). Это сведение так или иначе должно быть связано с меланхленами (*Μελάνχλαινοι*), греческое название которых, согласно Геродоту (IV, 106), произошло от того, что все они носили черные одежды; греч. *χλαῖνα* собственно – шерстяной плащ. Маловероятно, что шерсть для выделки своих плащей меланхлены специально окрашивали в черный цвет или что они импортировали черную шерсть; скорее всего, у них разводились только черные овцы, как и у будинов в области Кариска, упомянутых Аристотелем. Безусловно, эта область граничила со страной меланхленов (из текста Геродота (IV, 20–21) можно сделать вывод, что меланхлены были западными соседями будинов, но Курск находится на юго-восточном рубеже юхновского ареала). Интересной этнонимическо-этнографической параллелью к геродотовским меланхленам являются *каракачаны*, греч. *Σαρακατσάνοι* и *Καρακούντες*, по-сербски – *Црногушци*, *Црновунци* «носящие черные гуны, т. е. шерстяные одеяла», румыноязычные или грекоязычные этнические группы на Балканах неизвестного (древнегреческого, фракийского, владшского, тюркского?) происхождения, характеризующиеся отгонным скотоводством, черными одеждами из шерсти и выращиванием черных овец (белых барашков якобы закалывали). Эта параллель могла бы быть не только типологической, но и генетической, особенно если допустить, что меланхлены были фракийским племенем.

Стрижак О. С. Етніонімія Геродотової Скифії. Київ, 1988.
Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.

Д. Н. Лоскутова
Тамбов

Образ знахаря в народной медицине: этнолингвистический аспект (на материале Тамбовской области)

Личность знахаря как носителя заговорной традиции находится в центре внимания ученых различных областей. Описана знахарская практика различных территорий России, однако исследования, выполненные на материале южнорусских говоров, пока малочисленны. В основу данной работы положен полевой материал, собранный на территории Тамбовской области (2003–2008 гг.) и личный архив Т. В. Махрачёвой.

В центре внимания – гендерная проблематика знахарской деятельности. Замечание К. А. Богданова [2001, 154] о неразличении женской и мужской сфер магической деятельности справедливо и по отношению к Тамбовской области. В современной традиции Тамбовщины нет практикующих знахарей-мужчин, отдельные сведения о них хранятся в памяти жителей; знахарство стало практически женским занятием (ср. вывод Е. Е. Ермаковой [2005, 253] о феминизации западносибирской лечебной практики). Наши рассуждения будут касаться женского знахарского ремесла.

В обозначениях лекарки актуализируются семы: «*п р о и з н е с е н и е з а г о в о р а*» – *басі́ха* [СТГ, 34] (ср. *басить*, *басить* ‘говорить’ [СВГ, 1, 22; СРГСУ-Д, 17], *басёнье* ‘закливание, заговор’, *басить* ‘лечить’ [Деул. сл., 49] и др.); *шепту́ха* (ср. *шепта́ть* ‘произносить заговор’); «*л е ч е н и е*» – *лека́рка*; «*о б л а д а н и е з н а н и е м*» – *знаха́рка*. Частотные лексемы *ба́бка* и *ба́бушка* отражают близость образов знахарки и повитухи, что подтверждается материалами других регионов [см.: Минёнок, 1994, 364]. В южнорусских говорах одно из значений слова *ба́бка* – ‘повитуха’ [Деул. сл., 47]. Корень *баб-* продуктивен в номинациях, относящихся к сфере родильно-крестильной обрядности: *баби́ны* [СТГ, 30–31], *ба́бничать* [СГСЗ, 28].

Другая область «профессиональной» деятельности, которую совмещала знахарка с лечением, – чтение молитв по покойным.

Хорошо известна двойственность воззрений на личность целителя, объясняющаяся его пограничным положением между миром человека и миром болезни. Говоры области хранят представления об отождествлении мастерства колдуна и знахаря: для терминов *за́говор* (*заговóр*), *заговáривать*, *наговáривать* характерно явление энантиосемии. Дуализм образа нашел отражение в быличках, где персонаж выступает и целителем, и «вредителем»: он насыляет болезнь и является единственным,